

Современный платформизм Критическое исследование

Карл Клиен

2010

Оглавление

Введение	3
Современный платформизм: его основы и цели	4
Современный платформизм: Критика	14
Анти-заключение	21

Введение

Нижеследующее следует рассматривать как дискуссионный документ, а не как коллективную позицию Шеффилдской группы или национальной федерации в целом. Идеи, представленные здесь, были выработаны в ходе многочисленных формальных и неформальных внутренних дебатов и дискуссий внутри федерации. Этот текст задуман как вклад в более широкую дискуссию о современном составе международного анархистского движения. Большое спасибо всем, кто помогал в его разработке.

Пожалуй, никогда не было столь противоречивого вклада в теорию и практику анархистского движения, чем идеи, выдвинутые группой «Дело Труда» в «Организационной платформе Всеобщего союза анархистов (Проект)». Этот документ одновременно хвалили как «ценный исторический ориентир» для анархистов классовой борьбы, стремящихся к «большей эффективности и выходу из политической изоляции, застоя и замешательства»¹, так и полностью осуждали как попытку «большевизации» анархизма². Тем не менее, «платформизм», как обычно называют современное следование принципам Платформы, продолжает оставаться живой традицией в глобальном анархистском движении. Например, «The Anarkismo Statement»³, которое широко считается самым современным выражением платформистских принципов, имеет подписантов по всему миру. Эспецифизм, организационная программа, возникшая в латиноамериканском анархизме, хотя и не связана напрямую с Платформой, также разделяет многие приоритеты платформистских групп – теоретическое и тактическое единство, коллективную ответственность и федерализм – и в последние годы приобрела большее влияние в мировом анархистском сообществе.

Платформизм также продолжает оставаться спорным вопросом для нашего движения. Анархисты обычно занимают ту или иную сторону разделения, выступая против или за позиции, изложенные в Платформе. С момента её публикации между двумя сторонами возникло много подозрений и сектантства. Платформистов будут клеймить как «авторитарных» или «ленинистских», в то время как платформисты обычно обвиняют других анархистов в «неэффективности» или «неорганизованности». Цель этой работы – попытаться преодолеть этот разрыв и примирить два этих образа платформизма. Одновременно с оценкой теории и практики современных платформистских групп, подчеркнуть то, что следует считать ценным и полезным в платформизме для всех социальных анархистов. Я надеюсь, что это станет частью более широкого, более конструктивного диалога в нашем движении и инициирует открытую и честную оценку наших собственных ценностей, независимо от ярлыков, которые мы можем на себя вешать.

Примечания к этому исследованию: К сожалению, эта работа ограничена документами, которые существуют на английском языке или были переведены на

¹ Heath, N. (1989) Platform: Historical Introduction. [online] (Updated 7th April 2010) Available at: www.nestormakhno.info (Accessed 19th October 2010)

² Voline, Sobol, Fleshin, Steimer, Roman and Ervantian (1927) “‘Reply’ by several Russian Anarchists to the ‘Platform’” Available in: Maximoff, G.P. (1930) Constructive Anarchism – The Debate on the Platform. Monty Miller Press: Sydney, 1988.

³ Возможно имеется ввиду описание сайта Anarkismo.net или само существование этого сайта, превратившегося в мировую координацию.

него. Я понимаю, что некоторые из групп, которые я буду обсуждать, не говорят на английском как на первом языке, и это может ограничить моё понимание. Учитывая доступные мне материалы, я постарался представить их максимально точно. Я приветствую критику и дополнительные источники по любым из этих пунктов. Мой анализ также будет в значительной степени ограничен британским опытом и британским и ирландским анархистским движением, учитывая, что это контекст, в котором я политически активен как член «Анархистской федерации». Обсуждение также будет в основном ограничено современными платформистскими группами. Это решение было принято из-за очевидных ограничений по объёму и времени в рамках масштаба этой работы, а также на том основании, что уже существуют хорошо исследованные истории Платформы и платформистских групп⁴.

Современный платформизм: его основы и цели

Чтобы понять современный платформизм, важно сначала осознать контекст, в котором эти идеи развились как самостоятельная традиция внутри анархистского движения. После контрреволюции в России, последовавшей за Октябрьской революцией, среди русских и украинских изгнанников возникли две линии мысли относительно провалов анархистского движения в этих странах. Для группы «Дело Труда» именно отсутствие организационных принципов привело к общей слабости и малому влиянию анархистских идей⁵. Поэтому основополагающим вкладом документа «Платформа» стало подчеркивание важности тактического и теоретического единства, а также общего понимания теории и целей для любой будущей анархистской организации. Платформа также утверждала первостепенное значение классового анархизма, указывая на то, что анархизм как политическая философия обязан своим происхождением борьбе трудящихся. Следовательно, платформисты утверждают, что всё, что выходит за эти рамки, ведет к разобщенности и организационному параличу, так как разные течения пытаются примирить свои собственные ценности с общей практикой организации.

Эти идеи противостояли идеям, исходившим от другой группы русских эмигрантов вокруг Волина и «синтезистской» позиции. Для Волина и его товарищей группа «Дело Труда» преувеличивала влияние организации на неудачи анархистов, приписывая проблемы скорее трудностям пропаганды анархистских идей среди населения и государственным репрессиям под руководством большевиков (хотя они также признавали отсутствие теоретической последовательности в русском движении того времени). Они отвергали представление о том, что анархистский коммунизм является единственно верным выражением анархизма, и стремились подчеркнуть целостный характер философии, представленной в ее различных традициях – коммунизме,

⁴ Skirda, A. (2001) *Facing the Enemy: A History of Anarchist Organisation from Proudhon to May 1968*. AK Press: Edinburgh; Максимов, Г. П., «Конструктивный Анархизм»; *Anarchism and the Platformist Tradition: An Archive of Writings on the Platformist Tradition Within Anarchism* – anarchistplatform.wordpress.com/

⁵ Следует понимать, что это относится по большей части ко всему анархистскому движению Российской Империи, а не конкретно к маховскому движению, проигравшему не из-за идеологических принципов.

синдикализме, мютюэлизме, индивидуализме и так далее. Волин, соответственно, выступал за развитие федераций синтеза, которые стремились бы объединить всех самопровозглашенных анархистов – индивидуалистов, синдикалистов, мютюэлистов, коллективистов, религиозных и так далее – под одним знаменем на основе их общего сопротивления государству и желания человеческой свободы. Центральной идеей было то, что единство и несектантское сотрудничество являются лучшим средством укрепления существующего анархистского движения. Однако следует также отметить, что многие синтезистские группы были гораздо более ограничены по своему охвату, например, выступая за единство всех «социальных» анархистов (-синдикалистов, -коммунистов, -коллективистов), что потенциально обеспечивало большую общую почву и пространство для сотрудничества, чем с теми активистами, которые просто выступали против государства.

Споры о том, кто – Волин и синтезисты или Махно и группа «Дело Труда» – извлек большой урок из опыта большевиков, были и остаются источником ожесточенных разногласий для анархистов как в континентальной Европе, так и в Америке на протяжении большей части прошлого века. В этом отношении как платформизм, так и синтез являются четко идентифицируемыми и устоявшимися традициями в этих движениях. Однако в Британии ситуация была несколько иной. Например, синтез является школой анархистской мысли, которая традиционно развивалась в контексте крупных фракционных споров внутри сильных, устоявшихся анархистских движений. Ранние вклады кубинских анархистов Фернандо Тарриды дель Мармоля и Рикардо Мельи в духе *«анархизма без прилагательных»* в испанское анархистское движение были призваны устранить разрыв между враждующими фракциями коллективистских и коммунистических анархистов. Аналогично, Малатеста выступал за позицию «подожди и узри» по вопросам послереволюционной экономической организации как средство поощрения большей терпимости между различными течениями социального анархизма, с которыми он сталкивался на протяжении своей жизни. Вольтарина де Клер также выступала за послереволюционные эксперименты с различными формами социальной организации как средство поиска общей почвы между группами индивидуалистических и коммунистических анархистов в Северной Америке. Однако Британия никогда не имела сравнительно большого или разнообразного анархистского движения. В частности, индивидуалистическая философия Макса Штирнера, хотя и получившая большое влияние в ранних французском, испанском и немецком анархистских движениях, никогда не была так широко читаема или влиятельна в Британии, за исключением работ нескольких известных художников и интеллектуалов⁶. Аналогично, несмотря на ряд местных социалистических движений, разделяющих цели, схожие с анархистскими традициями коллективизма и мютюэлизма, ни одно из них не пользовалось устойчивым влиянием как философия само по себе. Ранние сторонники анархизма в Британии – Чарльз Моубрей, Фред Чарльз, Гай Олдред – вышли в основном из коммунистического движения и, следовательно, тяготели к анархо-коммунизму или анархо-синдикализму как к наилучшему

⁶ Заметным исключением является последовательная и особенно радикальная интерпретация штирнеровской мысли, разработанная анархистами в Глазго, которые с 1940-х годов буквально воспринимали «Союз эгоистов» Штирнера как основу для своей синдикалистской и коммунистической организации.

организационному выражению анархистских идеалов. Когда британские группы включали анархистов из различных традиций, это было скорее результатом географической изоляции, чем каких-либо формальных идеологических предпочтений⁷.

Таким образом, ключевое утверждение Платформы – что анархизм является политической философией, в первую очередь связанной с борьбой трудящихся за вольный коммунизм – было сильной и устойчивой традицией в организованном британском анархистском движении. Соответственно, в британском контексте платформизм был не столько критикой синтеза или других экономических теорий послереволюционной организации (как в Европе и Америке), сколько ориентиром для достижения большей сплоченности и тактического единства в уже довольно идеологически последовательном социально-анархистском движении. Мы можем видеть это, например, в описании Хитом формирования первой платформистской группы Британии – Организации Революционных Анархистов (ORA):

«Возражения ORA против традиционного анархистского движения тогда были скорее на уровне организации, чем теории. Они выступали за коллективную ответственность, использование председателя и голосования для принятия решений на собраниях, формальное членство и газету под контролем её “писателей, продавцов и читателей”»⁸.

Таким образом, оппозиционные течения, когда они существовали, возникали не по принципиальным вопросам (например, против сектантства или за анархистское единство), а по тактическим вопросам, например, локальная организация против национальной или, в последнее время, влияние инсуррекционистских идей. Следовательно, вопрос в значительной степени был вопросом тактики и организации, а не вопросом теории⁹. Соответственно, остальная часть данного исследования будет в основном сосредоточена на «Организационном разделе» Платформы, который также является наиболее часто цитируемым разделом, и организационных принципах тактического и теоретического единства, коллективной ответственности и идеологического лидерства. Хотя дебаты о синтезе и несектантской практике важны, этот вопрос не имеет особого значения для опыта большинства британских анархистов (которые вряд ли когда-либо сталкивались с коллективистским/индивидуалистским/мютюэлистским анархизмом).

⁷ «The Anarchist Federation of Britain» (1963–72) технически можно было бы охарактеризовать как структурно «синтезистское» объединение, объединявшую «членов» (формального списка членства у неё не было) из самых разных анархистских традиций. Однако это было скорее следствием отсутствия приверженности каким-либо организационным принципам, а не результатом теоретической приверженности синтезу Волина. Кристи в своей книге «Edward Heath Made Me Angry» замечает, что Федерация анархистов Британии «на самом деле вовсе не была федерацией – скорее временным органом, созываемым для конкретной цели, а затем вновь распускаемым».

⁸ Heath, N. (1996) “*Anarchist Communism in Britain, 1870–1991*”, Organise! #42. Anarchist Communist Editions.

⁹ В изложении Дойла (1991) это резюмируется следующим образом:

- (1) Общий недостаток организации в анархистском движении.
- (2) Её низкое качество там, где она всё же существует.
- (3) Путаница в вопросе о роли анархистской организации.

Тем более важно, чтобы прийти к истинному пониманию существующей платформистской традиции, избегать довольно грубых, но частых делений, представленных во многих современных описаниях британского анархистского движения. В зависимости от симпатий автора, все неплатформистские течения анархизма представляются как неорганизованные и/или неспособные оценить необходимость организационной целостности и единства. Или платформизм представляется как жестко навязываемая революционная доктрина, а платформисты – как те, кто излишне озабочен вопросами организационных форм¹⁰. Обе позиции являются не только упрощением, но и явным искажением. Картина «большевизированных» платформистов, с одной стороны, и неорганизованных «анархистов с маленькой буквы а», с другой, в конечном счете не отдает должное ни одной из сторон. Все анархисты в той или иной степени затрагивают важный вопрос революционной организации. Аналогично, все течения анархизма, даже инсуррекционистские, признают преимущества и необходимость некоторого принципиального единства на практике. Утверждать, что Платформа является единственной в этом вопросе, значит недооценивать ее истинную ценность как руководства для организационной практики. То, за что выступают платформисты и что делает эту традицию уникальной, – это необходимость определенного метода достижения этой организационной целостности, а именно процесса теоретического и тактического единства. Конечно, это не означает не признавать, насколько спорной была эта идея.

Франкс в своей истории современного британского анархистского движения¹¹ пренебрежительно сравнивает теоретическое и тактическое единство с ленинизмом, утверждая, что это ведет к «централизации», «патерналистскому отношению» и, в конечном счете, к «формированию революционных кадров»¹². Это не новая критика, этот процесс также часто характеризовали как стремление к «единомыслию», что Малатеста впервые затрагивает в своей переписке с Махно:

¹⁰ См., например, описание Граебера (Graeber) американского анархистского движения как расколотого между «меньшинством – тенденцией „сектантских“ групп, или „Анархистов с большой буквы А“, у которых есть развитые, догматические политические программы, и „большинством – тенденцией „анархистов с маленькой буквы а“... которые „являются сейчас настоящим локусом исторического динамизма“» и у которых программные установки гораздо более размытые. (цит. по Gordon, U. (2008). *Anarchy Alive! Anti-authoritarian Politics from Practice to Theory*. Pluto Press: London: 23-24).

¹¹ Franks, B. (2006) *Rebel Alliances: The Means and Ends of Contemporary British anarchisms*. AK Press and Dark Star: Edinburgh.

¹² Он также утверждает:

«Прочие общие черты «Платформы» с ленинизмом – это патерналистское отношение к подчинённым группам, которое предполагает наличие универсального авангарда, и репрессивный характер этого представительного органа – централизованного анархистского союза, которому надлежит возглавить социальную революцию». (там же, с. 220)

Хотя следует также отметить, что довольно враждебная трактовка Франкса, вероятно, во многом обусловлена историей «Анархистской Рабочей Группы» (AWG) и их пониманием «Платформы». AWG была небольшой платформистской группой, существовавшей в Британии с 1988 по 1992 год; её существование было противоречивым, и в конце концов она распалась, когда значительная часть её членов вступила в троцкистские организации. Франкс признаёт критику, которую А(С)Ф адресовала тогда AWG, но (ошибочно) полагает, что это был разрыв с платформизмом в пользу «Манифеста либертарного коммунизма» Жоржа Фонтени (с. 224).

«Кроме того, авторы проекта говорят, что «Союз» предполагает и располагает. Но когда они ссылаются на пожелания Союза, всегда ли они прислушиваются к пожеланиям всех его членов? Если это так, то для функционирования Союза нужно будет всем и всегда иметь одинаковое мнение по всем вопросам»¹³.

Ясности в этом вопросе не способствует и тот факт, что Организационный раздел Платформы, который касается теоретического и тактического единства, довольно краток и не особенно подробно излагает эти ключевые идеи; в конце концов, изначально он задумывался только как дискуссионный документ. Однако современные группы были довольно однозначны в этом вопросе. Например, базирующаяся в Северной Америке Северо-Восточная Федерация Анархистов-Коммунистов (NEFAC) заявляет, что:

«Теоретическое единство означало просто, что если вы с кем-то не согласны, не будьте с ними в одной политической группе! Это не значит, что все должны соглашаться всегда (они не будут), но должна быть определенная степень идеологического единства. Того, что все являются «анархистами» или «либертариями», недостаточно»¹⁴.

Более того, они также прямо отвергают «подход большинства» к разработке теории и тактики организации. Это обязательство призвано поощрять критику устоявшихся позиций и, следовательно, избегать формирования застойной и консервативной политической культуры. Другими словами, они утверждают, что диссидентские позиции и взгляды меньшинства следует рассматривать как столь же ценные и не обязательно конфликтующие с общими целями организации, стремящейся к единству:

«Анархисты полностью осознают, что наличие меньшинства и большинства никоим образом не означает, что большинство по своей сути право. Именно поэтому любая анархистская организация нуждается в механизмах, которые позволяют меньшинству, оставаясь связанным решениями организации, отстаивать свою точку зрения внутри организации, даже если оно было побеждено на конференции или в совете федерации. В любом случае, анархистская организация должна быть средой, где сектантство не поощряется, а поощряется диалог, и где царит атмосфера товарищества»¹⁵.

Другими словами, платформистская организация должна найти соответствующий баланс между уважением к коллективному решению большинства и правом меньшинства на несогласие.

¹³ Эррико Малатеста, «Проект организации анархистов».

¹⁴ North Eastern Federation of Anarchist Communists (2003) *Anarchism and the Platformist Tradition*. [online] (Updated 30th July 2003). Available at: nefac.net [Accessed 19th October 2010].

¹⁵ North Eastern Federation of Anarchist Communists (2002) *The Question of Revolutionary Organisation: A NEFAC Position Paper*. [online] (Updated 27th December 2002) Available at: nefac.net [Accessed 19th October 2010].

Обвинения в «единомыслии» обычно проистекают из понимания теоретического и тактического единства как статичного, как цели, которая должна быть раз и навсегда достигнута, а не, как это должно быть в здоровых платформистских группах, непрерывным процессом в ходе деятельности. Кроме того, как утверждает NEFAC, нет необходимости достигать единогласия по каждому отдельному вопросу. Скорее, целью должно быть всегда стремиться к общему пониманию и интерпретации тех вопросов, которые наиболее важны для организационной практики. Это должно происходить в контексте диалога между всеми членами как о наиболее ценных идеях каждого, так и о наилучшем общем курсе действий на будущее. В этом процессе должны участвовать как можно больше людей, а инакомыслие активно поощряться как средство достижения лучшего консенсуса и как ценная способность сама по себе. Даже уже согласованные позиции должны быть открыты для нового обсуждения и переоценки. Организация, которая пытается увековечить весь свой анализ, в конечном счете негибка, оторвана от реальности и весьма уязвима для формирования иерархии на основе опыта.

Более того, формальные и установленные каналы принятия решений не следует воспринимать как бюрократические или неповоротливые. На самом деле они являются мощным инструментом для подрыва неформальных иерархий, которые часто возникают в других активистских группах, где нет столь четких каналов подотчетности, ответственности и коммуникации. Как утверждает Томас:

«Влияния социума, от угнетающей социализации, такой как расизм и сексизм, до личностных различий, таких как застенчивость или разговорчивость, скорее всего, создадут неформальные иерархии, которые вновь введут господство и иерархию внутри группы, если не будут установлены и соблюдаться явные, явные, коллективно установленные демократические практики»¹⁶.

Платформисты поощряют, или, по крайней мере, должны поощрять, глубокий и критический пересмотр действий своих организаций. Организация должна существовать для того, чтобы дать возможность своим членам вести деятельность, обмениваться идеями и опытом и вселять уверенность в каждого члена.

Важность этих принципов также подчеркивается контекстом (британским анархистским движением), в котором они продвигаются, где наблюдается общее отсутствие устойчивой, критической рефлексии в движении в целом. Многие анархистские инициативы носят спорадический характер и зависят от похвальных усилий преданных своему делу людей для своего долголетия. В худших случаях это приводило к геттоизации, когда анархисты отступали в зоны комфорта, организуясь внутри небольших групп единомышленников, одобряющих друг друга. Платформизм предлагает убедительную альтернативу репертуару локализованных активистских «сцен», которые слишком часто демонстрируют короткоживущий, теоретически малоподкованный и часто некритический подход к политическим действиям – практику,

¹⁶ Thomas (2010) *Anarchist Accountability* [online] (Updated 16th March 2010) Available at: miamiautonomyandsolidarity.wordpress.com [Accessed 19th October 2010]

которая легко вырождается в бесконечный цикл замкнутой на саму себя деятельности, оправдываемой как самоцель.

Несомненно, связанная с этим проблема заключается в том, что платформисты относятся гораздо серьезнее к вызову, с которым сталкиваются активисты из рабочего класса в отношении авторитарных и реформистских тенденций в повседневной организации. Часто анархисты уходят в «сцену» либо из желания организационной чистоты, чтобы лучше воплощать идеалы и практику, которые они отстаивают, либо просто из-за отсутствия альтернативы. В реальности, пока не произойдет революционная перестройка нашего нынешнего общества, не может быть пространства, не затронутого влиянием капитализма, патриархата, гетеронормативности и государства. Эти вещи пронизывают каждый аспект нашей жизни: на работе, дома, даже среди партнеров и в группах друзей. Ответом должен быть не отход, а укрепление наших идеалов через действие, направленное на создание общества, которое мы надеемся построить. Реальность такова, что нет идеальной или чистой борьбы. Повсюду анархисты сталкиваются с реформистами и авторитаристами (как слева, так и справа), которые пытаются контролировать или подавлять борьбу. Люди, вовлеченные в эту борьбу, также часто придерживаются противоречивых идей или идей, которые могут противоречить тем, которые мы хотим продвигать (например, многие люди являются националистами или религиозными). Против этого платформисты утверждают, что нам нужно быть хорошо организованными, мы должны быть уверены в своих собственных идеях и действовать на основе общей программы. Быть организованным анархистом означает доверять своим товарищам, иметь возможность выдвигать последовательную стратегию и воплощать общий набор идеалов, который вдохновляет других делать то же самое.

Стратегия, с помощью которой это достигается, – если обратиться к еще двум важным понятиям из исходного документа – заключается в принципах коллективной ответственности и идеологического лидерства. Они, опять же, оказались спорными предложениями. Например, возвращаясь к критике Франкса, коллективная ответственность описывается как «договорное обязательство», которое «противоречит целям анархизма»¹⁷. Однако из документа ясно, что это было далеко от интерпретации группы «Дело Труда». Вместо этого, я бы утверждал, что понятие коллективной ответственности развивается из их понимания «областей революционной жизни» как «по своей природе глубоко коллективных». То есть, хотя организация должна признавать «право каждого члена на независимость, свободное мнение, личную свободу и инициативу», она также не является просто совокупностью индивидов, а, подобно революционному обществу, носит общинный характер. Как таковая, определенная степень коллективного мышления, действия и, в конечном счете, ответственности является важным компонентом организационной практики. Как объясняет Томас:

«Привлекать друг друга к ответственности также означает привыкать сообщать друг другу – по-товарищески – о невыполнении обязательств и обещаний. Это практика, которая должна быть построена через организационную культуру, где товарищеская честность и конструктивная критика

¹⁷ Указ. соч., с. 223.

заменяют конкуренцию и индивидуалистическую пассивную агрессию или сплетни. Обратной стороной товарищеской обратной связи является умение ее принимать, использовать для помощи себе и своей организации в росте и учиться большей самодисциплине. Иногда это трудно, поскольку в подавляющем большинстве случаев, когда нас призывают к ответу за что-то, это исходит из отношений «сверху-вниз»; но практика привлечения других к ответственности и принятия ответственности на себя является основополагающей для изучения, практики и продвижения, если мы хотим разрушить и заменить эти отношения «сверху-вниз» горизонтальными и эгалитарными отношениями»¹⁸.

Проще говоря и применяя на практике, по сути, это самая простая идея: если группа людей пришла к соглашению, что что-то должно быть сделано, то они должны это сделать! Обвинения в том, что это подразумевает некую договорную обязанность, игнорируют акцент на добровольности и свободном объединении, не говоря уже о том, что в самой Платформе нет никакого упоминания о каком-либо дисциплинарном механизме или системе принуждения. Конечно, многие из этих разногласий в конечном счете могут сводиться к языку и вопросам интерпретации¹⁹. Малатеста, например, охотно признавал товарищество необходимым для анархистской организации, но при этом считал, что «коллективная ответственность» является слишком расплывчатым понятием, вызывающим в воображении все, что угодно – от строгой военной дисциплины до добровольной ассоциации.

Анархисты всегда считали «лидерство» в некоторой степени синонимом осуществления власти. Соответственно, «идейное руководство» (или лидерство) или идеологическое руководство требует тщательной формулировки. Документ Платформы, со своей стороны, довольно ясен в своей критике «революционного руководства» ленинистских организаций, которые считали массы отсталыми и неспособными к самостоятельно осуществляемым социальным преобразованиям:

¹⁸ Thomas, указ. соч. (в оригинале указан год 2006, хотя никакой работы Томаса за 2006 год в библиографии не указано)

¹⁹ Язык – важная вещь. Использование термина «исполнительный комитет», например, в оригинальной «Платформе» было источником разногласий на протяжении многих лет. Эта фраза имеет очевидные переключки с высокоавангардистской практикой, отстаиваемой Лениным, и слишком уж легко позволяла критикам объявлять платформизм попыткой «большевизировать» анархизм. Весьма нагруженный характер этой лексики затемняет реальный контекст, в котором писали участники группы «Дело труда». В мемуарах Махно, например, упоминается множество «исполнительных комитетов» в украинском крестьянском и рабочем движении (см. Нестор Махно, *«Русская революция на Украине»*). Однако, вопреки большевистскому способу организации, они были в значительной степени практическим и всегда состояли из отзываеваемых делегатов, напрямую подотчётных организациям, которые их назначали. Махно даже, несмотря на эту ограниченную функцию, лично отказался от места в исполнительном комитете крестьянского совета на том основании, что задачи должны выполняться самими крестьянами (и лишь уступил и присоединился после долгих уговоров со стороны совета). Аршинов, со своей стороны, также пытается развеять любые сомнения в том, что «исполнительный комитет» вдохновлён большевизмом, в своём ответе русским анархистам:

«Между тем, всякий мало-мальски политически грамотный человек знает, что Исполнительный Комитет и Ц.К. – понятия не однозначные, что Исполнительный Комитет вполне может быть органом анархическим, и в целом ряде анархических или анархо-синдикалистских организаций он имелся и имеется» (Группа Русских Анархистов Заграницей, *«Беспрограммная программа анархо-хаотиков»*).

«В то время как большевизм и родственные ему течения считают, что трудовая масса является носителем лишь революционно-разрушительных инстинктов, будучи неспособна на революционно-творческую деятельность, ввиду чего эта творческая деятельность должна перейти в руки людей, концентрируемых в государстве или в Ц.К. партии – анархисты, наоборот, считают, что трудовая масса содержит в себе огромные творческие возможности и стремятся к устранению преград, препятствующих их выявлению»²⁰.

Необходимость «идеологического руководства» проистекает из понимания того, что социальная борьба не представляет собой вакуум идей, и наличие ясной, революционной перспективы является ответственностью анархистов. Равно как и отсутствие такой перспективы может быть губительным для социальной борьбы, позицию, которую Аршинов более четко излагает в своем «Беспрограммной программе анархо-хаотиков»:

«Идейное руководство в массах означает наличие в них определенной руководящей идеи. В мире социальной борьбы и социальных устремлений таких идей немного. Мы, анархисты, всегда желали и будем желать, чтобы этой идеей среди трудящихся была анархическая идея, а не идея, например, социал-демократов, которые совсем на днях предали революционное движение венских рабочих»²¹.

Обращаясь к более современному примеру в британском контексте, Хит, описывая историю движения на протяжении 1960-х годов, подчеркивает, что анархистские неудачи, как в организации, так и в идеологическом лидерстве, быстро обернулись успехами левых:

«Неудивительно, что многие из тех, кто изначально интересовался анархизмом, были отпугнуты его хронической неорганизованностью и отсутствием эффективности. Некоторые из них обратились к таким группам, как International Socialism (предшественник Социалистической Рабочей Партии) и Интернациональной Марксистской Группе. Диггер Уолш, активный в группе Black Flag того периода, цитировался в национальной газете, сожалея о том, что 800 активистов перешли к троцкистам»²².

Этот пример также хорошо иллюстрирует взаимосвязанный характер всех компонентов Организационного раздела. Что без комбинации идеологического руководства, тактического и теоретического единства и коллективной ответственности анархистская организация становится менее эффективной, чем ее конкуренты. Что революционная стратегия и единый тактический ответ идут рука об руку с построением доверия к анархистским идеям. Однако, несмотря на эти оговорки относительно

²⁰ Дело Труда, «Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов», «VI. Роль масс и роль анархистов в социальной борьбе и социальной революции».

²¹ «Беспрограммная программа анархо-хаотиков».

²² Heath, N. (2006) "Looking Back and Forward" Black Flag.

природы «идеологического руководства», остаются давние и законные опасения по поводу того, является ли это «руководством изнутри» или «руководством извне». Другими словами, возникают ли эти идеи в ходе диалога с проявлениями социальной борьбы или они развиваются в результате внешнего и независимого изучения и обдумывания, в форме марксистской «пролетарской науки». Это ключевой вопрос, который я рассмотрю более подробно в критическом разделе.

Наконец, важно подчеркнуть, что многие современные платформистские группы не придерживаются всех организационных предписаний исходного документа. Например, многие современные платформисты дистанцировались от идеи «единого» Всеобщего союза, по сути, уступая аргументу Малатесты, если уж на то пошло, из практических соображений, в его обмене мнениями с Махно о предпочтении множества организаций перед одной единственной. Позиция группы «Дело Труда» в исходном документе неясна в отношении того, что станет с «нездоровыми элементами» (как выражается Малатеста) анархистского движения, то есть с теми, кто не убежден в правильности идей Платформы. Однако практика современного платформистского движения позволяет предположить, что эти «неорганизованные» и «хаотичные» элементы останутся таковыми. Вместо того чтобы пытаться «отлучить их от анархистского движения», как предполагал Малатеста, предпочтительным исходом было бы то, чтобы эти разрозненные элементы были в конечном счете превзойдены как по размеру, так и по репутации успехами хорошо организованной либертарно-коммунистической организации (или объединения организаций).

Основополагающая идея здесь, и момент, который все платформисты стремятся подчеркнуть, заключается в том, что платформизм является традицией, воплощающей общие организационные цели. Это не значит, что всё просто должно быть предписано из одного документа. Например, группа «Друзья Дуррути» часто цитируется платформистами как вдохновение для этой традиции, несмотря на то, что в их революционной программе²³ нет никаких ссылок на Платформу или группу «Дело Труда». В конце концов, сама Платформа никогда не претендовала на окончательность и ясно дала понять, что движение должно обогащать связанные с ней традиции и принципы через практику. Как указано в исходном документе:

«Мы не обманываемся относительно тех или иных пробелов платформы. Как и во всяком новом практическом и в то же время ответственном шаге, пробелы в платформе несомненно имеются. Быть может ряд существенных положений не вошел в платформу; ряд положений недостаточно разработан, иные, наоборот, слишком детализированы или повторяются. Все это может быть. Но не это важно. Важно заложить фундамент общей организации, а это в необходимой степени достигается выработанной платформой. Дело общего коллектива – Всеобщего Анархического Союза – эту платформу потом расширить, углубить, сделать ее законченной программой всего анархического движения»²⁴.

²³ Друзья Дуррути, «К Новой Революции. Манифест Друзей Дуррути».

²⁴ Дело Труда, «Организационная Платформа...», Введение.

И «пробелы» слишком очевидны для современного читателя. Вопросы расы, пола и сексуальности отсутствуют в документе – слабость, которую не следует приписывать только возрасту документа, учитывая активность и анализ анархистов по этим темам в то время. К счастью, это отсутствие не было воспроизведено на практике современными группами, многие из которых публикуют теорию и анализ и участвуют в борьбе женщин, ****-людей²⁵ и цветных. Кроме того, было бы справедливо сказать, что большинство существующих групп придают большее значение, чем в исходном документе, построению и укреплению местной борьбы наравне с построением национальной организацией, что также отмечает Малатеста. Примером может служить участие организации Zabala в движении безземельных и обитателей трущоб.

Однако тот факт, что исходный документ упускает из виду такие важные вопросы, не следует воспринимать как слабость, а скорее как положительную силу. Анархисты отвергают жесткие формулировки и настаивание на ортодоксии, распространенные в марксизме. Они принимают открытую, либертарную практику, которая придает гораздо меньшее значение «героическим фигурам» и «великим текстам» и большее значение – урокам, извлеченным и развитым из практической борьбы. Хотя всегда важно оглядываться на исторические дебаты и на то, что они могут сказать нам о нашей текущей практике, также важно признавать «живые» качества любой анархистской традиции. Соответственно, платформизм, как и все анархистские традиции, несомненно, обогатится и сформируется заново, столкнувшись с новой борьбой и новыми возможностями в ближайшие десятилетия. Однако это не значит, что современное платформистское движение в чем-то не заслуживает критики. Вокруг этой традиции существуют устойчивые проблемы и споры, которые было бы также упущением игнорировать.

Современный платформизм: Критика

Внутри многих современных платформистских групп существовала и продолжает существовать напряженность между тем, что я бы назвал (анти)политической и репрезентационистской моделями деятельности. Я полагаю, что для этого есть ряд потенциальных причин, но прежде чем углубляться в этот вопрос, возможно, необходимо прояснить, что означают эти термины.

Под (анти)политическим я понимаю практики, которые подрывают и в конечном счете делают ненужными иерархические и авторитарные средства коммуникации и социальной организации, существующие в государственническом, капиталистическом, патриархальном, расистском и гетеронормативном обществе. (Анти)политическая деятельность, следовательно, обычно строится через прямое, личное общение, структуры принятия решений на основе участия и, конечно же, организацию задач без необходимости иерархии. Проявления (анти)политического поведения были постоянным источником вдохновения для либертарно-коммунистической традиции – от советов и фабричных комитетов России, через анархо-синдикалистские профсоюзы Испании, до низовых движений, возникающих в современном движении

²⁵ Пропаганда **** в РФ запрещена.

за глобальную справедливость. Эти методы также считаются соответствующими тому, что называют анархистской «префигуративной (предвосхищающей) этикой», которую Гольдман описывает следующими словами:

«Весь человеческий опыт учит, что методы и средства нельзя отделять от конечной цели. Используемые средства через индивидуальную привычку и социальную практику становятся неотъемлемой частью конечной цели; они влияют на нее, видоизменяют ее, и вскоре цели и средства становятся идентичными»²⁶.

Настаивание на такой неразделимости целей и средств, то есть «префигуративная» практика, является ключевой и определяющей характеристикой анархистской политической мысли и практики.

Под репрезентационизмом я понимаю многие аспекты капиталистической демократии, которые препятствуют активному участию в процессах, управляющих нашей жизнью, и усиливают социальную иерархию. При капитализме этот процесс многогранен и может варьироваться от выборов представителей, которые будут принимать решения за нас, до жесткого социального контроля со стороны тюремной системы и системы уголовного правосудия и вплоть до манипулирования самим языком и информацией, которые мы используем для интерпретации нашей социальной реальности. Он переживается через наше состояние отчуждения в капиталистическом обществе. Он направлен на формирование у масс психологического состояния, которое постоянно укрепляет разделительные линии между «правителями» и «управляемыми», «властителями» и «подвластными», «производителем» и «потребителем», даже «автором» и «читателем». Он служит сокрытию фундаментально общинных и целостных качеств человеческой общности и гарантирует, что рабочий класс вынужден искать решение своего социального положения где угодно, но только не в себе и своих собственных способностях. Репрезентационизм, к сожалению, имеет свои аналоги и в «революционной» практике. Традиционно анархистов беспокоила авангардистская практика авторитарных левых, которые преуменьшают или отрицают созидательные способности рабочих сообществ. Левые группы пытаются присвоить этот созидательный потенциал, принимая на себя власть представлять других, считая себя обладающими способностями, которых, по их мнению, недостает «их» избирателям. Это оправдывается различными способами, например, наличием привилегированного, «научного» понимания объективных сил, «правильной» формулы революционной борьбы или даже просто готовностью «идти дальше», чем «послушные» массы. Представители, что самое важное, не могут быть социальными революционерами. Репрезентационизм неизбежно зависит от пассивной и институционализированной социальной массы, которую представитель может отражать (и, надеется, выступать посредником в любых возникающих конфликтах). Он отрицает созидательную роль рабочего класса в формировании своего собственного будущего и как таковой является антитезой самоорганизации и практике социальной революции.

²⁶ Goldman, E. (1923) *My Disillusionment in Russia*. Dover Publications: New York, 2003, с. 260.

Как репрезентационизм, так и (анти)политика были постоянной проблемой для либертариев при обсуждении вопроса о революционной организации, и именно между этими двумя полюсами мы часто видим колебания политических организаций – между революционными и реформистскими методами и целями. (Анти)политическое действие, очевидно, является наилучшим воплощением анархистских ценностей, но придерживаться всего, кроме самого чистого выражения «префигуративных» идеалов, явно ведет к очень ограниченному набору доступных практических действий. По-настоящему (анти)политические действия, как правило, развиваются только в пиковые моменты социальной борьбы; в остальное время они часто бывают малы и/или изолированы от положения большинства людей, например, небольшие коммунальные эксперименты, меньшинство групп революционеров. Это происходит в то время, когда существует настоятельная потребность в пропаганде и активизме за пределами этих периодов социальных потрясений. Революционные подъемы обязаны своим происхождением в равной степени как добросовестной и долгосрочной работе революционеров, так и периодическим кризисам. Это подразумевает, что требуется определенная степень прагматизма, по крайней мере, когда речь идет о решениях об участии.

Логика примерно такова: учитывая частую невозможность организовать (анти)политическую альтернативу, например, выборам или профсоюзу, имеет больше смысла критически вмешиваться в эти процессы и подталкивать людей к анархистским идеям. Тот факт, что большое количество людей уже вовлечено в эти институты капиталистической демократии, означает, что имеет больше смысла выбрать участие в них, чем полностью исключить себя из них. Современные платформисты обычно выступали за такой подход, особенно учитывая акцент в исходном документе на продвижение идеологического руководства в массовых организациях рабочего и крестьянского движения. Спорным, но очевидным современным примером этого является кампания платформистов из «Движения за солидарность трудящихся» (WSM) за голосование «Нет» на ирландском национальном референдуме по Лиссабонскому договору.

Отложив на мгновение любое суждение о том, какое «идеологическое руководство» представляет собой голос «Нет» на национальном референдуме, само обоснование этой стратегии – необходимости массового политического участия – само по себе не является чем-то чуждым для многих других примеров анархистской практики за пределами платформистской традиции. Малатеста, например, приводил очень похожие аргументы в пользу участия анархистов в реформистских профсоюзах вместо создания особых (анти)политических, анархистских профсоюзов. Аналогично Олдред выступал за использование выборной трибуны, но с отказом от должности, как средства для лучшего распространения либертарных идеалов. В этой позиции нет ничего исключительно платформистского. Успех прошлых анархистских организаций всегда зависел от приверженности разнообразию тактик. Более того, вопрос о том, начинает ли индивид или группа сползать к репрезентационизму и левизне, не должен оцениваться только по использованию этих методов. Такие вопросы связаны с гораздо более глубокими проблемами, касающимися сложного взаимодействия содержания, формы и уровня социальной борьбы; вопросов, которые невозможно вырвать из контекста или так легко сформулировать в виде четких принципов. Успех

революционной борьбы может зависеть в равной степени как от бдительности борющихся рабочих, так и от правильной позиции революционеров (если, конечно, вообще возможно разделить эти две категории). Здесь просто нет простых ответов. Однако было бы также справедливо сказать, что распространенное восприятие платформизма как «большевизированной» анархистской практики, к сожалению, было подкреплено тем фактом, что непропорционально большое количество этих групп деградировало до репрезентационистской и контрреволюционной теории и деятельности. Существует множество примеров, подтверждающих это: от поддержки Анархистской рабочей группой (AWG) иракского государства во время первой войны в Персидском заливе до заявления французской организации «Alternative Libertaire» в пользу косовского национализма и военного вмешательства ООН, и вплоть до крайне манипулятивных внутренних практик французских платформистов в борьбе за доминирование в своей национальной Анархистской Федерации. Итак, почему платформизм? Почему это сползание в левизну было постоянным явлением именно в этих группах?

Как я пытался прояснить в первом разделе, я не считаю обоснованным утверждение о том, что платформизм является попыткой «большевизировать» анархизм. Однако я считаю, что существуют аспекты платформистской практики, которые могут, но не обязательно должны, способствовать сползанию их к репрезентационизму и левизне. Однако это также не означает, что эти проблемы характерны исключительно для платформизма; все революционные организации в некоторой степени потенциально уязвимы для этих тенденций. Тем более важно иметь четкое представление о своих слабостях, чтобы опираться на свои сильные стороны.

Один из аспектов современной платформистской стратегии, которого я лишь коснулся, – это акцент на необходимости «стратегического мышления». То есть предполагается, что когда организация пытается сформировать тактическое единство в отношении наилучшего курса действий, она будет стремиться полностью учесть свои ресурсы и применить их наиболее эффективно. Из этого положения вытекает ряд потенциальных проблем. Прежде всего, важно прояснить, что акцент на возможностях и приоритизации ресурсов является полезным упражнением для любой организации. Однако стремление к эффективности и целесообразности является палкой о двух концах. Хотя могут быть лучшие способы распределения ресурсов, нет, попросту говоря, коротких путей к революционным изменениям. Сама Платформа, несмотря на то, что была написана после великого периода революционного поражения (консолидация власти большевиков в России и поражение махновщины на Украине), на удивление оптимистична и, возможно, поэтому излишне наивна в своих рекомендациях для революционной деятельности. Стать «пионером и теоретическим наставником» профсоюзов, как рекомендует Платформа, было кардинально иной задачей в революционной Украине или России, даже во Франции 1920-х годов, чем в Британии 2010 года. В результате изменился и тип целесообразности и эффективности, который можно ожидать от революционных организаций сейчас, особенно в Британии, где рабочий класс был разорен почти тридцатью годами неолиберальной экономической политики.

Поэтому заманчиво, но в конечном счете ошибочно, поддаваться искушению обратить внимание на сохраняющиеся проявления рабочей активности или, возможно,

просто на коллективную организацию рабочего класса как таковую, которые существуют в профсоюзном движении или, возможно, в борьбе народов за реальное, значимое влияние. К сожалению, это действительно было практикой многих старых и современных платформистских групп. Хотя платформистам успешно удалось заполнить «пробелы» в исходном документе в отношении пола и расы, им в значительной степени не удалось справиться с его слабостями и двусмысленностью в отношении профсоюзов. Возможны альтернативные интерпретации «анархизации» профсоюзного движения», как рекомендуется в исходной Платформе: означает ли это участие или просто агитацию внутри, трансформацию структуры профсоюза или полный разрыв с профсоюзами. В этом отношении прискорбно, что платформисты в значительной степени не смогли взаимодействовать с другой важной традицией, возникшей из опыта большевиков и проявившей именно этот вопрос – голландскими и немецкими левыми. Их анализ, выросший из практического опыта массового революционного взаимодействия с профсоюзами, не оценим для любого коммуниста сегодня. Такая недвусмысленная перспектива, как если бы опыта «Британского конгресса тред-юнионов» было недостаточно, должна положить конец всем сомнениям относительно посреднической и, в конечном счете, буржуазной роли профсоюзов и задач революционеров внутри них.

Несомненно, с этим вопросом связан вопрос о том, где формулируется революционная стратегия и, исходя из этого, идеологическое руководство. Платформистские методы, прежде всего, должны определяться опытом классовой борьбы. «Идеологическое руководство», изолированное от сопротивления рабочего класса, быстро вырождается в репрезентационизм – предполагаемую или де-факто позицию руководства над классом. Теоретические дебаты и развитие должны быть укоренены в опыте класса, вытекать из реальных потребностей и проблем, возникающих в борьбе. Конечно, существует ответственность смотреть и за пределы этой борьбы, а также необходимость бороться с реформизмом, ленинизмом и множеством других грехов, обрушивающихся на любое рабочее движение. Однако это должно происходить не в форме диктата, а в виде непрекращающегося и развивающегося диалога между революционерами, укорененными в рабочем классе, и рабочим классом в целом. Самое важное, что следует признать: хотя борьба с левыми и авторитарными идеями важна, «война идей» с левыми не должна подменять собой классовую войну между рабочим и начальником. Смещение фокуса организации слишком далеко в сторону «идеологического руководства» означает приближение к стандартной операционной практике различных троцкистских группок. Подражание им приведет лишь к воспроизведению их чрезмерной сосредоточенности на нынешнем левом спектре и пренебрежению к производственной среде. В практическом плане и в долгосрочной перспективе, как утверждает Дойл, такая однобокая сосредоточенность приведет к «отрыву от повседневного понимания того, где находится реальная классовая политика»²⁷.

Национальное освобождение и тред-юнионизм, например, исходят из позиций репрезентации, идеологий, пытающихся управлять положением рабочего класса. Ши-

²⁷ Doyle, K. (1991) *What Went Wrong with the AWG?* [online] (Updated date unknown) Available at: flag.blackened.net (Accessed 19th October 2010).

роко задокументировано, что распространенные объекты поддержки левых, такие как Организация освобождения Палестины²⁸ и ранние профсоюзы²⁹, не только были порождением политических махинаций буржуазии, но и с самого начала ставили своей целью поражение рабочего класса. Эти движения и возникающие из них идеи мало что говорят нам ни об опыте классовой борьбы, ни о наших реальных потенциальных возможностях как класса – не о больших «правах» рабочих, независимой государственности или большем куске пирога, а о создании свободного, интернационального коммунистического общества. Если некоторые группы из рабочего класса, вовлеченные в эти движения, кажутся воинственными, это лишь свидетельство того, насколько успешно эти структуры кооптируют подлинную классовую борьбу. Тем более необходимо, чтобы анархисты внутри них продвигали ясный и непоколебимый интернационалистский, коммунистический анализ.

В платформистской литературе часто делался неоправданный акцент на последних двух страницах Платформы (Организационном разделе) в документе, который в значительной степени посвящен принципам анархистского коммунизма (то, что Анархистская Рабочая Ассоциация (AWA) уместно назвала «пропущенными частями»). Эффективная анархистская практика должна основываться на здоровых либертарно-коммунистических принципах, а это, в свою очередь, должно происходить из образовательного и основанного на участии процесса внутри самой организации (одновременно вовлеченной в жизнь класса). Игра с теоретическими принципами – верный путь к катастрофе. В худших случаях это приводило к анализу, представленному такими группами, как *Liberty and Solidarity*, которые полностью исключили политику из уравнения, обратившись к теории менеджмента (из всех вещей!) как к руководству для более «эффективной» организационной практики, полностью игнорируя крайне отчуждающую капиталистическую практику, которую такая теория воплощает (и, несомненно, увековечивает). Взаимодействие с репрезентационистскими институтами не должно означать принятия репрезентационистской практики.

Анархистские организации будут и должны издавать манифесты, политические заявления, теоретические анализы и так далее. Однако это также следует делать с осознанием реальных ограничений, с либертарной точки зрения, этого средства распространения наших идей. Настоящая борьба, борьба, в которой мы должны участвовать, происходит не только в мире политических идей, но и среди наших друзей, наших семей, на наших рабочих местах и в наших сообществах. Чтобы не просто получить «поддержку» политической философии или конкретной программы, но и распространить идею и метод, которые в конечном счете расширяют возможности. Речь идет о передаче идей прямого действия и самоорганизации, чтобы тысячи, возможно, даже миллионы манифестов могли появиться из народных, низовых органов. Это также означает признание того, что класс в целом может сказать революционерам столько же, если не больше, сколько и мы ему. Соответственно, наш анализ всегда должен быть частью диалога – такого, который одновременно говорит о более

²⁸ См. напр. Aufheben (2001) *Behind the 21st Century Intifada*. [online] (Updated 5th January 2006) Available at: libcom.org (Accessed 19th October 2010).

²⁹ См. Wildcat (date unknown) “*Good Old-Fashioned Trade Unionism*”, Wildcat #16. Retrieved March 15th, 2010 from libcom.org.

широкой борьбе внутри нашего класса и отражает ее. Суть в том, что анархистская организация должна быть одновременно и содержанием, и формой – фактор, который Махно и группа «Дело Труда» справедливо признали, подчеркнув важность как тактического, так и теоретического единства.

И, наконец, замечание о товариществе. При всем акценте, который платформисты исторически делали на построении единства и совместных действий, платформистские организации имели неприятную привычку быть либо относительно небольшими по сравнению с остальным анархистским движением, либо периодически и довольно впечатляюще разваливаться. Не существует универсального ответа на причины этого, и, очевидно, внутренняя культура конкретных групп и входящих в них индивидов играет свою роль. Описание Дойлом³⁰ (из WSM) катастрофического принятия AWG «Документа о кадровой организации», который фактически формализовал привилегированный слой теоретиков и специалистов по знаниям внутри организации, является особенно яркой иллюстрацией этого. Оставляя в стороне заблуждения AWG, я полагаю, что есть определенный вес в утверждении, что платформистская концепция «коллективной ответственности», возможно, слишком тонка. Что организация должна быть в равной степени поддерживающей и дающей возможности, как и полагаться на принятие задач и обязанностей членами. Действительно, забота о поддержке и благополучии других членов должна быть частью этой коллективной ответственности. Опять же, это не является чем-то исключительно характерным для платформизма, и хороший анализ товарищеского поведения отсутствует в многочисленной анархо-коммунистической литературе.

Интересно, что именно авторы-инсуррекционисты обычно предоставляли наиболее глубокие тексты на тему товарищеского поведения. Возможно, это связано с тем, что инсуррекционизм как теория практики зависит почти исключительно от неформальных, братских связей между товарищами в борьбе. Связей, которые должны присутствовать, но которые мы также, возможно, принимаем как должное внутри формальной организации с членством. Как таковые, инсуррекционисты имеют гораздо лучшее понимание того, что эти неформальные отношения должны практически означать. Связь, которая объединяет нас здесь, как утверждается, является процессом построения близости. Близость не следует путать с симпатией, хотя эти вещи могут сосуществовать. Например, могут быть товарищи, с которыми мы чувствуем близость, но к которым не испытываем симпатии, и наоборот. Скорее, иметь близость с товарищем означает знать его и стремиться углубить свои знания о нем. По мере роста знаний близость может усиливаться до такой степени, что совместное действие становится возможным. Самое важное, что это понимается как бесконечный процесс, постоянное согласование ценностей друг друга и понимания обстоятельств. Этот процесс может помочь укрепить более формальные каналы организационной сплоченности. Если, например, в организации есть задачи, которые могут быть утомительными или скучными (но, тем не менее, полезными), то на практике чувство ответственности создает не столько абстрактное отношение к организационному коллективу, сколько чувство обязательства, основанное на близости с товарищами. Аналогично, внутренние дебаты и дискуссии, направ-

³⁰ Doyle, К. указ. соч.

ленные на построение тактического и теоретического единства, должны вестись посредством коллективного обсуждения. Для осуществления этой коммуникации требуются усилия по достижению понимания и доверия к другим членам, а также попытки преодолеть недопонимание и разногласия, если они возникают. У этого процесса нет реальной «конечной цели». Фактически, организация, имеющая такое статичное представление о своей собственной идентичности, в конечном счете является застойной. Плюрализм, различие и разногласия в конечном счете являются чертами всей человеческой жизни; как либертарные коммунисты, как те, кто выступает за лучшие качества человеческой природы, мы должны принимать это.

Анти-заключение

Я всегда чувствовал, что в подведении итогов есть что-то очень нелибертарное. Как заявляет Анархистская Федерация в нашем «Introduction to Anarchist Communism», когда речь идёт об анархо-коммунизме, настоящего заключения не существует – это по необходимости открытая практика. Соответственно, аргументы, приведённые мной здесь, не следует воспринимать как окончательные или завершённые в каком бы то ни было смысле. Скорее, как я указывал в начале, они задуманы как часть более широкого процесса – и, я полагаю, великой традиции внутри анархистского движения – практики самокритики того, как мы организуемся. Поэтому я «заканчиваю» эту работу, вместо этого обратившись к причинам, по которым, как я считаю, эти дебаты важны.

Я – платформист. Однако я совершенно не чувствую, что многие организации, заявляющие о том, что действуют в духе «Организационной платформы», отражают мои позиции. Хотя я считаю, что многие принципы платформизма – особенно построение тактического и теоретического единства и центральность классовой борьбы – являются лекарством от слишком локальной, краткосрочной и геттоизированной деятельности значительной части анархистского движения сегодня, я в то же время ощущаю себя несколько неуютно в роли платформиста – как тот, кто высоко ценит значение наших основополагающих либертарно-коммунистических принципов для успешной практики. Полагаю, написание этой работы было попыткой найти ту золотую середину, вычленив полезные и интересные идеи с обеих сторон разделения между платформистами и антиплатформистами. Наряду с этим, я считаю, было также важно исследовать представление о том, что мы можем узнать нечто более ценное о наших собственных традициях, обращаясь к ценностям других. Что такой процесс ведёт к подтверждению, видоизменению или даже полному отвержению наших собственных идеалов. Это, я полагаю, весьма здоровая деятельность для движения, которое намерено оставаться верным своей революционной миссии. В этом отношении – и я надеюсь, что это чувство также выразилось в моём анализе, – для меня самое важное – это ценности и идеи, а не ярлыки, которые к ним приклеиваются.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Карл Клиен
Современный платформизм Критическое исследование
2010

ru.anarchistlibraries.net